

Наталья Меркурьева
Всё было и прошло

рассказы

Наталья Меркурьева

Всё было и прошло. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076912

ISBN 9785005169990

Аннотация

В старости время не идёт, а бежит и даже едет на скором поезде. Я подумала, что если я не расскажу того, что слышала от своих бабушек, то этого нашим потомкам не расскажет никто. Они тоже когда-то состарятся и у них будут дети и внуки. Кому-то захочется узнать свою родословную. Возможно, они прочитают мои записки, вспомнят меня, бабушек и дедушек и расскажут о нас своим внукам. В этих рассказах есть доля моей выдумки, как и во всех сказаниях, но большая часть – это чистая правда.

Содержание

Сны о прошлом	5
Сон первый. Розалия	5
Сон второй. Анна	10
Сон третий. Мария	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Всё было и прошло

Рассказы

Наталья Меркурьева

© Наталья Меркурьева, 2020

ISBN 978-5-0051-6999-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сны о прошлом

Сон первый. Розалия

Бабушка сидела у окна, подперев руками голову и о чем-то мечтала.

– Бабушка, ты опять видела сон?

– Посмотри-ка, Маша, в интернете, есть ли такой город Сандомир?

– Это город в Польше.

– Странно. Мне снилось сегодня, что я жила недалеко от Сандомира в деревне и мои родители разговаривали на немецком языке.

– Бабушка, расскажи, расскажи.

Хорошо, пока я не забыла, садись поближе и слушай.

Я была молодой девушкой и звали меня Розалией. Наш дом стоял на берегу реки Сан. Родители часто обсуждали русского царя. В городах возникали восстания, населению было ненавистно, что Польша вошла в состав Российской империи, мечтали о независимости. Меня это мало волновало. Зимой я училась в городе в церковно-приходской школе при лютеранском костеле, а летом – целыми днями гуляла в лугах, где паслись наши коровы, помогала отцу пасти

стадо. Вечером мама доила коров. Отец варил сыры. По воскресеньям мы ездили на ярмарку в Садомир продавать свой сыр, остатки у нас покупал лавочник, у него была молочная лавка. Наши сыры славились в Садомире. Никто не готовил сыр лучше, чем мои родители.

На краю нашей деревни был расположен замок барона Манштерна. Летом там там отдыхали родственники барона и баронессы. Мама носила туда молоко, сметану, сыры. Мне исполнилось пятнадцать лет. Соседи говорили моим родителям:

– Ваша Розетта расцвела, как розочка, красавица, невеста.

Отец подыскивал для меня хорошего жениха, но угодить ему было трудно. Он хотел, чтобы претендент был пригожий лицом, богат и доброго нрава, ведь дочка у них была единственная, долгожданная, поздний ребенок. Однажды мама послала меня к Манштернам с молоком и сыром. Я несла корзинку и напевала. Подойдя к калитке, я постучала молоточком по чугунной изгороди, никто не отозвался. Калитка оказалась открытой. Ко мне подбежала большая собака. Она виляла хвостом и обнюхивала меня. Я испугалась и замерла со своей корзинкой, не решаясь идти дальше.

– Собачка, собачка, позови хозяйку, – умоляла я пса.

Так я простояла минут пять, но мне они показались бесконечными. Неожиданно из-за кустов вышел молодой мужчина с кистью в руках.

– Борман, ко мне.

Пес побежал к хозяину.

– Фройлян, не бойтесь, он не злой.

– Я принесла продукты, проводите меня на кухню, будьте добры.

– Конечно, конечно. Давайте вашу корзинку, я донесу.

Пока я разговаривала с кухаркой, мужчина ждал меня у дверей.

– Фройлен, не могли бы вы мне помочь, обратился он ко мне, – я рисую летний пейзаж, но получается очень скучно. Будьте добры, сядьте на скамейку. Ваша красота и молодость оживит мою картину.

– Господин, меня ждут дома, мама не велела мне задерживаться.

– Пожалуйста, всего полчаса, я сделаю эскиз, а завтра вы попросите свою маму отпустить вас на час. Я заплачу вам за сеанс.

– Вряд ли мои родители согласятся.

– Я вас провожу и всё улажу, не отказывайте, будьте так добры.

Я согласилась. Мужчина представился,

– Меня зовут Генрих, а как ваше имя?

– Я – Розалия.

– О, как вам подходит ваше имя.

Молодой человек мне очень понравился. Он проводил меня домой и поговорил с родителями. Мне разрешили один час в день позировать ему. Рисование было его любимым за-

нятием. Генрих фон Марштерн был офицером германской армии. В усадьбе своих родителей он проводил свой отпуск. Он был женат. Семья его проживала в Пруссии.

Месяц пролетел незаметно. Картина была готова. Настало время расставания. Генрих влюбился в меня без памяти, я тоже увлеклась им не на шутку. Он уговаривал меня поехать с ним, но предложить выйти за не него замуж не мог. Он сознался, что женат, у него двое детей, поэтому наша связь не может быть явной. Он был богат и предлагал мне достойное содержание. Я знала, что родители никогда не согласятся на это, но я была молода и очень влюблена. Я согласилась бежать с ним.

Он снял для меня квартиру. Я была с ним и счастлива и несчастна одновременно. Наша любовь была тайной. Я написала письмо своей матушке, где призналась, что убежала с Генрихом. Отец проклял меня, не выдержал этого горя, вскоре он скончался. А матушка меня простила. Я родила Генриху двух детей – дочь Анну, и через восемь лет – сына Генриха. Детей я родила в деревне у матушки и оставила ей на воспитание, такова была воля Генриха Марштерна. В возрасте 28 лет я умерла при родах третьего ребенка, который родился мертвым.

– Вот такой удивительный сон мне приснился, внученька.

– Ну, ты даешь, бабушка. Ты словно переселяешься в других людей.

– А, может быть мне снится то, что было со мной в прошлой жизни?

Сон второй. Анна

- Что-то давно, бабушка, ты не рассказывала мне свои сны. Вид у тебя задумчивый. Опять что-то приснилось?
- Да, Машенька, мне снова приснился сон.
- Кем же ты была на этот раз?
- Я расскажу тебе эту печальную историю, если ты обещаешь меня не перебивать и не смеяться.
- Я с удовольствием послушаю. Тем более, погода дождливая и пасмурная и мне не надо никуда идти. Ну, давай же, рассказывай.

Я родилась в 1874 году на хуторе, вблизи польского города Сандомир. Моя мать Розалия назвала меня Анной. Отца своего я не знала. Отчество мне дал мой дед, отец Розалии. Бабушка и дед были швейцарскими немцами, лютеране. Мать я видела очень редко. В 1881 году она приехала к нам на полгода. Родила мальчика, моего брата. Его назвали Генрихом. Ребенку не было и полугода, когда мама уехала к своему любовнику барону Манштерну. Она не была его законной женой, и мы с братом никогда отца не видели. Мы были бастардами, семья отца не признавала нас. После смерти дедушки, я стала правой рукой бабушки. Она научила меня доить корову, варить сыры, варенье, я помогала ей ухаживать за маленьким братом. Нам помогал по хозяйству брат бабуш-

ки и его семья. Мама высылала деньги на наше содержание, благодаря чему зимой я ходила в школу. Бабушка ежедневно молилась. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, она подарила мне Библию на немецком языке.

– Это самый дорогой подарок, который я могу тебе дать, – сказала бабушка, – остальному я тебя уже научила.

К тому времени мама умерла от родов в возрасте двадцати восьми лет. Бабушка сильно постарела, болела. Она познакомилась с русской помещицей Нехлюдовой, гостившей в соседней усадьбе, куда я по просьбе бабушки носила молоко. Нехлюдова уговорила своего мужа взять меня в Россию в их дом экономкой. Со мной поехал и брат Генрих. Бабушка завещала мне не бросать брата и помочь ему встать на ноги. Мы приехали в Псковскую губернию в имение Валуева,. Там находилась усадьба Нехлюдовых. Я старалась во всем угодить помещице. Она была женщиной доброй, занималась благотворительностью. Когда мне исполнилось двадцать лет, моя покровительница решила устроить мою судьбу. Благородное семейство собиралось переехать на постоянное место жительства в Петербург, взять меня с собой они не планировали.

В рыночные дни мы ездили за покупками в город Остров. Там покупали деготь, рыбу, различные хозяйственные товары в лавке у купца Ильи Меркурьевича Меркурьева. У него было три сына. Вот за одного из них – Василия Ильича – и сосватала меня сердобольная помещица. В 1895 году мы

повенчались. Я просила мужа только об одном, чтобы разрешил моему брату Генриху до совершеннолетия жить с нами. Меркурьевым нужна была хорошая хозяйка в доме. Мать Василия была больна, она не могла заниматься хозяйством по причине душевной болезни. Когда я пришла в семью, все заботы о сумасшедшей матери легли на мои плечи. Кроме того, и домашние хозяйственные заботы тоже стали моими. Василий, мой муж вел торговлю, он полюбил меня за то, что я взяла на себя все домашние заботы. Жили мы дружно. У нас родились дети – пятеро сыновей и дочка. Вечером вся семья собиралась за большим столом. Василий любил музыку, него был хороший голос, пели в семье все, и это занятие ещё больше спланивало нас. Нехлюдовы помогли устроить моего брата Генриха в Петербургскую гимназию, которую он окончил в 1902 году. Далее он обучался в на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, после 1910 года занимал (до ноября 1917 г.) ряд заметных должностей в уголовно-кассационном департаменте Сената. Во время Первой мировой войны служил военным корреспондентом. Всем своим детям я пыталась дать доступное в то время образование. Мой старший сын Леонид сложил свою голову на фронте в первую империалистическую. Брат Генрих и сын Евгений во время Гражданской войны вместе с Белой армией попали в Латвию. Я потеряла с ними связь. Знала только, что они живы. Александр, Василий и Петр после Гражданской войны перебрались в Ленинград. Дочь Ольга умерла

молодой, от туберкулеза умер и Володя, младший сын, которому исполнилось девять лет.

После смерти моего мужа Василия Ильича я переехала в Ленинград к сыну Василию. Жили мы на Крестовском острове. Он окончил школу актерского мастерства и стал знаменитым в Советском Союзе артистом. Мой средний сын Петенька ещё в Острове увлекся коммунистическими идеями. Он вступил в комсомол, посещал собрания, был пламенным оратором и пропагандистом. Во всех делах он проявлял пылкость и горение. Также пламенно, как коммунистические идеи, он полюбил и девушку Ларису, которая жила со своей семьей в Острове. Но Лариса была дочерью царского офицера, расстрелянного командирами Красной Армии. Петя казнил себя за то, что полюбил девушку из враждебного лагеря. Он даже уехал в Ленинград и поступил там рабочим на Путиловский завод. Лариса чуть не убила себя из-за разлуки с любимым. Узнав о попытке суицида, Петр женился на девушке и увёз её в Ленинград. У них родилось трое детей – два сына Виталий и Женечка и дочка Наташа. И всё бы хорошо, но начались репрессии. Это было страшное время. Много хороших преданных идеям коммунизма людей, погибло в лагерях и тюрьмах по оговору и доносам негодяев. В партии большевиков шла жестокая борьба за власть. Умер в тюрьме и Петенька, оставив безутешную молодую вдову с тремя малолетними детьми.

Вася женился в 1934 году и переехал жить к жене на улицу Чайковского. У них родилась дочка, которую в мою честь назвали Анной. В 1940 году у Васи родилась ещё одна дочка – Катя. Вася взял под своё покровительство и детей погибшего брата. Перед войной я продолжала жить на Крестовском с Женечкой, сыном Пети. Васю на фронт не взяли из-за болезни легких, перенесенный в молодости туберкулез давал о себе знать. От этой болезни умер и мой младшенький сын Володя, и дочь Ольга. Погибший в тюрьме Петья тоже постоянно лечился от этого недуга. В июле 1941 го-

да мы всей семьёй уехали в эвакуацию с театром, в котором служил Василий. Взяли с собой Женечку. Сначала мы попали в Новосибирск, а через год переехали в Колпашево Тюменской области. Ларочка, вдова Петеньки, с Наташенькой и Виталием не смогли в силу субъективных причин поехать с нами вместе. В 1942 году они разыскали нас в эвакуации и приехали к нам. В Колпашево нам подарили корову, которая помогла нам прокормить большую семью. Работал один Вася. В этом же году у них с Ириной родился ещё один ребенок – сын, которого в честь Петеньки назвали его именем. Всю свою жизнь я занималась хозяйством: ухаживала за животными, варила варенья, заготавливала соленья, варила сыры одной мне знакомым способом, переданным от бабушки-швейцарки, помогала растить детей и постоянно за всех молилась. Молитвы и любовь Бога помогали мне постоянно трудиться и переносить все невзгоды, выпавшие на мою долю, самыми страшными из которых была смерть моих детей. После эвакуации мы узнали, что мой сын Александр, работавший директором хлебозавода в Ленинграде, умер в блокаду от голода.

В 1946 году я поселилась на даче в Сокколо на реке Вуокса. Там мы завели большое хозяйство – корову, кур, поросят, собаку Джека. Основная нагрузка легла на меня, хотя мне уже было за семьдесят. Летом там отдыхало всё большое семейство, а зимой оставались только я и младший внук Петя, который ещё не ходил в школу. Электричества у нас не бы-

ло. Спать ложились рано, чтобы не жечь зря свечи. Я очень боялась пожара. У меня уже болели ноги, но только в самый последний год моей жизни, когда иссякли все мои физические силы, пришлось зарезать корову. Я переехала в город к Васе. Пятого марта 1950 года я умерла. Похоронили меня в Озерках, вблизи церкви. Я так и не узнала, что мой брат Генрих Гроссен прожил счастливую жизнь. У него родилось трое детей, появились внуки. Он вернулся на нашу историческую родину, умер в Женеве в 1971 году. Я не узнала, что мой сын Евгений стал музыкантом и композитором за рубежом. Не узнала я что ровно через три года умрет Сталин... И многого я уже не узнаю, если только не воскресну в один день, который обещал нам Христос.

– Бабушка, в тебе, наверное, гены проснулись. Много о чем ты рассказываешь – это правда. А не придумываешь ли ты, что тебе это приснилось?

– В старости, внученька, воспоминания переплетаются со снами и с реальностью. Я уже не могу сказать сны ли это или мои домыслы, или прочитанные воспоминания близких родственников.

Сон третий. Мария

– Доброе утро, бабушка. Как спалось?

– Плохо, Машенька. Что-то думалось мне, вспоминалось о моей любимой бабушке Марии Ивановне, в честь которой мы тебя назвали. Уснула под утро, и приснился мне длинный сон. Если будешь слушать, то садись ко мне поближе. Буду тебе рассказывать от первого лица.

Богуслав Ивановский, мой дед, родился в Польше, когда её территория входила в состав Российской империи. Характер у него был вспыльчивый. От своих родителей и окружения пропитался он идеей восстановления Речи Посполитой. После шляхтерского восстания Богуслава, как неблагонадежного, сослали в Сибирь. Он тогда только успел жеманиться. Жена его Барбара поехала вместе с ним. До Сибирских земель они не доехали, основались в Чухломском уезде Костромской губернии, близ деревни Рыково. Там после освобождения крестьян от крепостного права помещик сдавал в аренду землю. Позднее возможно было вернуться деду на историческую родину в Польшу, но он понял, что в России так много свободной земли и хозяйство здесь можно развернуть большое, только не ленись, работай. Жену его стали звать Варварой на русский лад. Построили на хуторе дом большой, деревянный. Родились дети Иван и Александра.

Развели скотину: коров, свиней, кур. Для обработки земли летом нанимали батраков. Александру выдали замуж в деревню за парня из крепкой крестьянской семьи. Иван помогал отцу в своем хозяйстве. Богуслав ездил продавать излишки сельскохозяйственной продукции в Чухлому. На вырученные деньги покупал необходимые для хозяйства и домашних товары. Уезжал он обычно на неделю другую. В Чухломе останавливался у вдовы, которая сдавала ему комнату. Вдова Аграфена жила с дочерью Анной. Богуслав близко сошелся с Аграфеной, Жена его Варвара стала часто болеть, с хозяйством справляться ей было трудно. А у Аграфены дочка на выданье. Сосватал Богуслав Анну своему сыну Ивану: и в семье помощница, да, и чтобы ему с Аграфеной крутить любовь не мешала.

Анна проговорила как-то о связи свёкра со своей матерью мужу. Пожалела Варвару. Свекровь её, как дочку родную приняла, а родная мать к ней, как к падчерице относилась, ласки Анна от неё не видела. Иван возмутился. Нрава он был горячего, крутого, весь в отца. Через некоторое время Богуслав то ли грибами отравился, то ли лошадь его сбросила, умер. Об этом в семье не говорили. Отец стал хозяином в доме.

Я родилась 3 (16) марта 1903 года. Деда своего я не помнила. Бабушку Варвару очень любила. Первое мое детское воспоминание связано с наказанием. Бегала я по лавкам, стоявшим вдоль стен, босиком. На лавку мама выставила крын-

ки со сливками и сметаной. Я перепрыгивала через них, мне было года три. Бабушка предупреждала:

– Маня, слезь с лавки, сметану обернешь.

Я не слушала, пока мама не вошла в избу. Я на маму посмотрела, испугалась и угодила ногой в сметану. Чашка обернулась, сметана вылилась на пол, я упала прямо в сметану. Мама высекла меня прутиком. Я плакала, а бабушка меня жалела и наставляла,

– Я же говорила тебе, нужно старших слушаться.

Но я была непослушная. Как-то маму пригласили в гости. Я просила взять меня, она приказала,

– Оставайся дома.

Я знала, что в гостях будет что-нибудь сладенькое. Мама шла в деревню через лес по тропинке. Я пряталась и бежала за ней тихонько. Мама вошла в дом, села за стол. Через некоторое время я вошла и стояла у двери. Видела, как мама сдвинула брови, но не уходила. Хозяйка меня заметила, взяла за руку, усадила рядом с мамой и положила в тарелку угощения. За столом мама мне ничего не сказала, а когда мы возвратились домой, наказала ремнем.

Мама у нас была строгая. Она родила пятерых детей: трёх девочек и двух сыновей. Я с шести лет работала, помогала отцу заготавливать зимой дрова. Он рубил и укладывал стволы деревьев на сани, а я на лошади отвозила их на во двор. Летом работали в поле. Бабушка будила нас рано и мы до полдня помогали в поле сеять, полоть, заготавливать сено. Потом завтракали вместе с батраками, отдыхали. А когда жара спадала снова выходили в поле. Обедали поздно. Хотя продуктов у нас было много, но нас детей разносолами не баловали. Старались по-больше подготовить для прода-

жи. Я очень любила яички, но вдоволь их наесться удавалось только в пасху. Помню, было мне лет восемь. В пасху мама послала меня в деревню со свечками в церковь поставить за здравие перед иконой Спасителя и Деве Марии. За мной увязалась Верунька, младшая сестренка. Она любила ходить в церковь. В деревне ребяташки катали яйца. Я вступила с ними в игру. Не заметила, как время пробежало. Выиграла несколько яиц, но служба закончилась и церковь оказалась закрытой. Я выбросила свечки. Попросила Веру меня не выдавать. Дома Верочка расплакалась и рассказала маме о том, что в церкви мы не были, а свечки я сломала и выбросила. И опять мне была трёпка. Вот так мы и жили. Летом работали, а зимой меня отправляли к бабушке Аграфене в Чухлому, там я училась в церковно-приходской школе. Закончила я четыре класса начальной школы. Учиться я любила, но меньше всего мне нравился урок Закона Божьего.

Хоть и трудное было у нас детство, но настоящего горя я хлебнула, когда мама умерла. Мне было одиннадцать лет. Мама родила мальчика, Семочку, а после родов умерла. Семочка прожил всего восемь месяцев, не смогли мы его без мамы уберечь. Я была старшая. Бабушка Варвара тогда уже работать не могла. Она только обед готовила, а в остальное время лежала на печке. Нам с сестрой Олей, которая была меня младше на два года, приходилось выполнять всю домашнюю работу. Помню, как я стирала холщовое белье, терла его своими детскими руками и спрашивала,

– Хорошо ли, бабанька?

А она мне отвечала,

– Потри ещё, Ангел мой.

Началась первая империалистическая война. Папу хотели забрать в армию, но удалось ему раздобыть какие-то медицинские справки. От службы его освободили, он ведь был единственным кормильцем в семье. Братья Александр и Константин совсем малы были. Вскоре отец женился. Сосватали ему старую деву, лет тридцати, Юлию. В наш дом пришла мачеха. И опять из-за строптивного характера я мачехе не понравилась. Сидели мы как-то с сестрами разбирали матушкин сундук.

– Были ведь у мамы платья красивые и шали, а нам из хороших вещей ничего не досталось, – сказала я, перебирая старый хлам.

Верунька, которая была меня младше на шесть лет, сумела к мачехе найти подход, она была с ней ласкова. Через день после нашего разговора отец вызвал меня к себе. В руках он держал ремень, смотрел сурово. Выпорол он меня, несмотря на все оправдания и на то, что мне уже четырнадцать лет исполнилось. Мачеха пожаловалась, что я настраиваю против неё детей, Верочка ей рассказала о моих претензиях.

А потом произошла революция. Помню, что в семье радовались отречению царя, называли его душегубец и кровопийца.

В ближайшей деревне жила сестра отца тётя Саша с се-

мьей. Мы по праздникам ходили к ним в гости. Там жили наши двоюродные сестры. В деревне молодежь собиралась на посиделки, танцевали. Мне понравился один паренёк Саша Большаков. Тетушке он не нравился. Она отцу доложила, что заметила нашу взаимную симпатию. Когда мне исполнилось семнадцать лет, отец решил выдать меня замуж. Я плакала, но перечить отцу не решалась, боялась его.

Прямо из под венца меня увезли в Спасское к мужу. Выдали за Михаила Васильевича Мухачева. Молодой человек был старше меня на восемь лет. Работал ветеринаром. Семья у него была большая, крестьянская. Когда мы приехали в их дом и остались одни в комнате, я заявила мужу, что спать с ним не лягу, я другого люблю и скорее умру, чем изменю.

– Что же ты мне об этом раньше не сказала. Если бы я знал, что ты против, то не стал бы свататься.

Он расстроился, но в этот же вечер его вызвали в соседнюю деревню, там корова тяжело телилась. Несколько дней его дома не было. Свекровь моя – женщина добрая, видела, что что-то между нами произошло, но не осуждала меня, а позвала на кухню, помочь ей с обедом. Золовки перешептывались, посмеивались, но мать их пристрожила. Я была маленького роста, щупленькая, но сильная. Работы не боялась. Днем в дом зашла учительница, Ангелина. Она принесла Михаилу учебники. Поговорила со мной. Рассказала, что муж у меня хороший, готовится поступать в институт, она ему помогает.

– Держись за него, с ним не пропадешь.

Я прислушалась к советам, девушка мне понравилась. Да и в семье его родители были душевные, не было такого домостроя, как в нашей. Михаил вернулся и постепенно наша жизнь наладилась. Я отрезала косу, сделала такую же прическу, как у Ангелины. После этого боялась показаться своему отцу. Но отец ничего мне не сказал, я ведь теперь была мужняя жена, подчиняться должна была мужу. Через год родилась у нас дочка. Назвали девочку Ангелиной, как учительницу. Мише это имя нравилось, а мне нравилась Ангелина. Миша вступил в партийную ячейку. Его послали учиться в сельскохозяйственный институт в Ярославль. Я с дочкой жила у его родителей. Однажды деверь, старший брат Миши, побывал в городе и вернувшись сказал мне:

– Маня, навестила бы ты своего мужа, а то девицы там вокруг него выются, как бы не увели.

Я думала недолго, собралась с Ангелинкой и поехала. В общежитии меня встретили молодые студентки, расспросили, к кому приехала. Сосед Миши по комнате уступил нам свою кровать на время. Через девять месяцев родилась у нас вторая дочка. Шел 1924 год. В январе умер Владимир Ильич Ленин. Дочку в его честь мы назвали Нинель. После окончания института Михаила послали по распределению в село Палкино возглавить ветеринарную лечебницу. Там в 1928 году родилась у нас третья дочка – Эмма. Миша ждал сына и очень расстроился, когда акушерка сказала, что

девочка родилась.

– Ну, опять щеловатая посудина, – махнул он рукой. Но Эммочку он очень любил, баловал и даже брал с собой в командировки. На работе он был на хорошем счету. В партии тоже пользовался авторитетом. Его выбрали делегатом на 17 съезд партии – Съезд победителей. После съезда его перевели в Ярославль, в областное управление, где вскоре он возглавил ветеринарную службу. Он часто выезжал в колхозы с проверками. Я говорила ему,

– Миша, все из колхозов возвращаются с продуктами, а ты хоть бы сметаны деревенской привез.

– Что-ты, Маня, нельзя, подумают, что я взятки беру.

Жили мы дружно. Вечерами я ждала его с горячим ужином. Он всё чаще был расстроенным. Ходил по комнате, скрестив за спиной ладони и рассказывал мне о том, что его тревожило. Предупреждал, чтобы я никому не рассказывала то, что слышала от него. Летом 1937 года он уехал в командировку в Кострому и взял с собой Эмму. Через два дня я получила от него телеграмму: " Приезжай за Эммой, я задерживаюсь». Я приехала сразу, чувствовала, что происходит что-то страшное. Ужинали мы в ресторане, потом он проводил нас с дочкой на поезд. Через несколько дней к нам до-

мой пришли работники НКВД с обыском. Миша из командировки не вернулся. Тревожное было время. Каждую ночь во двор нашего дома, где жили преимущественно работники областного управления, приезжал черный автомобиль, в народе его прозвали «воронок», и забирал кого-то из работников управления. После обыска я вышла на общую террасу, там курил сосед. Я сказала ему, что Мишу арестовали.

– Мария Ивановна, не ждите. Собирайте детей и уезжайте отсюда подальше. Я утром тоже уеду, не буду дожидаться ареста.

От Михаила пришло только одно письмо. Он просил теплые вещи, писал, что ждать его не имеет смысла, советовал мне уехать с детьми к его отцу. Я так и сделала. Собрала ему посылочку, отстояла очередь, чтобы передать её в следственный изолятор. А потом собрала нехитрые пожитки, мебель свезли с Алей в скупочный магазин. Мы уехали в Спасское. Родители Михаила жили в небольшом доме в другой деревне у дочери. В Спасском верховодил старший брат Михаила. Невестка приняла нас недружелюбно. Ещё трое нахлебников и ещё одна хозяйка в доме её не устраивали. Я работала в хозяйстве с ними на равных, но чувствовала, что моих детей во всем обделяют и смотрят косо. Тогда я взяла с собой старшую дочь Алю и поехала с ней в Котельнич искать работу.

Мой отец ничем не мог мне помочь. К тому времени его раскулачили и с женой и двумя сыновьями выслали за Урал. Сестры мои Оля и Вера были выданы замуж. Олю отдали

за деревенского парня. Она прожила всю жизнь в деревне, родила и воспитала шестерых детей. Всем дала образование. Её пять сыновей впоследствии стали уважаемыми людьми. Старость свою она провела у дочери. Дожила до 98 лет. Ветрочка, единственная из нас вышла замуж по любви. С мужем уехала в Ленинград. Но в блокаду умер её муж и старший сын. А после войны трагически погиб и младший. Она осталась одна. Ходила в церковь. Там нашла утешение и близкого человека, священника, который заменил ей сына.

В Котельниче жила двоюродная сестра Миши, Нина, с сыном лет десяти. На работу меня никуда не брали. Как только узнавали, что муж арестован, отказывали. Я пришла в туберкулезный диспансер. Требовалась санитарка. В этот раз я скрыла от работника отдела кадров, об аресте мужа не сказала. Работала, старалась. Аля поступила в фельдшерскую школу. Я собиралась забрать дочек позже, когда определюсь с жильем. Первое время я жила у сестры. Но в один прекрасный день вечером мои дочки Неля и Эмма появились у нас на пороге. Сбежали из деревни и разыскали нас по адресу на письме, которое я им отправила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.